

ЗЛЮСЯ РОМАНОВА

ПИСЬМО
для
БАБАТЫ

Истории осени

Злюся Романова
Письмо для Златы

«Автор»

2026

Романова З.

Письмо для Златы / З. Романова — «Автор», 2026 — (Истории осени)

— Извини, Артем, — спокойно начал Андрей. — Она выбрала меня. Все произошло мгновенно. Резкий взмах руки, и Андрей с глухим стуком рухнул на асфальт. Из его носа тут же хлынула алая струйка. Я взвизгнула и бросилась к нему. — Ты что творишь, ненормальный! — закричала я на Артема, прижимая платок к лицу Андрея. Наши взгляды встретились — в его была буря боли и гнева, в моей — отчаяние и ужас. — Любишь его? — прорычал он, не обращая внимания на окружающих. — Ты ненормальный! — уже тише, почти шепотом, выдохнула я, не в силах выдержать его взгляд. — Любишь его? — повторил он, и в этом вопросе звучала какая-то последняя надежда. Пронзительная история любви и взросления, где загадочные письма переплетают судьбы, а разгадка скрывается в сердце.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Злюся Романова

Письмо для Златы

Глава 1

Сентябрьский ветер, пахнувший увяданием, кружил за окном багряный хоровод, когда мои пальцы вновь наткнулись в почтовом ящике на жесткий уголок конверта. Белый, безмолвный, как клятва, произнесенная шепотом. Лишь мое имя было выведено на нем с изысканной каллиграфической точностью: Злате Зайцевой. Словно кто-то неспешно, с наслаждением выводил каждую букву.

Это был уже четвертый порыв этого странного ветра, четвертая весточка из ниоткуда. И я не просто знала — я чувствовала легким трепетом под сердцем, что найду внутри. Аккуратно, боясь нарушить магию ритуала, я вскрыла конверт.

Первый набросок застал меня врасплох: я, летящая по университетской лестнице, с развевающимися волосами и сияющими глазами. Второй — счастливая и беззаботная, с мороженым в кафе, с каплей сладости на губе. Третий... я и Сонька, в парке, залитом золотым светом, и на рисунке была не просто девушка с собакой, а олицетворение нежности. Кто-то видел не просто мои черты, а мои эмоции, мою душу.

Я развернула новый лист. И сердце замерло.

На нем была я — спящая в библиотеке. Но это не был просто набросок спящей девушки. Это был портрет беззащитной нежности. Мои руки служили подушкой, ресницы лежали веером на щеках, а в уголках глубоко спящих губ таилась едва уловимая улыбка. Свет, падающий из окна, был передан так искусно, что казалось, я чувствую его тепло на своей коже. Он видел меня в тот миг, когда я была абсолютно безоружна, убаюканная шепотом старых книг. И вместо того, чтобы испугаться, я почувствовала странное, щемящее чувство близости.

Жутковатый восторг сменился теплой волной. Это было не преследование. Это было... восхищение. Молчаливое, внимательное, почтительное. Кто-то, оставаясь в тени, дарил мне взгляд, полный такой бережной наблюдательности, на какую не способен ни один знакомый мне парень.

Глава 2

Тишину моих мыслей, сладких и тревожных взорвал оглушительный грохот на лестничной клетке. Это был стремительный и хаотичный вихрь, который мог принадлежать только одному человеку. Еще секунда — и на площадке первого этажа возник Артем, главный раздолбай и приколист нашего района. Его темные волосы были растрепаны ветром, а в карих глазах плясали озорные искорки. Он летел, кажется, не касаясь ступенек, а рядом, словно тень, стараясь не отставать, семенил его неизменный спутник — тихий Андрей.

— Привет, золото! — Увидев меня, Артем просиял еще шире и, перепрыгнув через три ступеньки, схватил в охапку, подняв в воздух и закружив в вихре своей безудержной энергии. От него пахло ветром, осенней листвой и беззаботностью.

— Отпусти, балбес! — попыталась я вырваться, но предательский смех выдавал мою притворную суровость. Голова закружилась, но это было приятное головокружение, словно от карусели.

— А ты все такая же злючка, — рассмеялся он, но все же поставил меня на ноги, оставив в ладонях тепло его рук.

— Привет, — раздался спокойный, бархатный голос.

Андрей стоял чуть поодаль. Его короткие темные волосы были аккуратно уложены, а зеленые глаза смотрели на меня с присущим им спокойствием и глубиной. Его улыбка была сдержанной, но взгляд — теплым и внимательным, словно он видел чуть больше, чем остальные. Он был полной противоположностью Артема — тихий островок спокойствия в его вечном шторме.

— Заходи к нам, Маринка страдает по очередной безнадежной любви, — весело подмигнул Артем. — Утрешь ей сопли, женушка.

Маринка была его сестрой и моей лучшей подругой по совместительству. В нашем дворе это никого не удивляло: мы росли почти одной стаей, постоянно кочевали из квартиры в квартиру, делили секреты, обиды, праздники и первые глупые влюбленности.

— Ну ты и шутник, — фыркнула я, но кивнула. — Ладно, зайду. По ком хоть страдает? По Владюше или Маратику?

Артем задумался, нахмутив лоб с комичной серьезностью. — По-моему, она говорила так: «Этот говнюк у меня еще пожалеет!» Значит, имя ее любви — Говнюк. — И он снова рассмеялся, заразительно и громко.

Потом он по-доброму потрепал меня по коротким волнистым волосам, и его пальцы зацепились за конверт, который я все еще сжимала в руках.

— О-о-о, что это у нас? — протянул он, и в его карих глазах вспыхнул озорной огонек. — Кто-то в любви признался? — Он нахмурил брови, изображая деланную строгость. — Смотри, женушка, я ревнивый!

Потом его лицо снова озарила улыбка, он послал мне воздушный поцелуй и, крикнув «Пока, золото!», ринулся из подъезда, увлекая за собой поток шума и веселья.

Я невольно улыбнулась, глядя ему вслед. Эти его шуточки... «Золото», «женушка»... Сколько я себя помнила, он только так и обращался ко мне. А однажды, когда мне было десять, а ему — двенадцать, он с важным видом заявил, что женится на мне, когда мне исполнится девятнадцать. Я тогда покрутила пальцем у виска, а он только рассмеялся. Я никогда не видела его грустным или унывающим — он был вечным двигателем, генератором идей. Помню, как он сидел на лавочке с разбитой губой, но все равно улыбался. «Ничего, золото, — говорил он, — я еще отыграюсь. Этот Колян у меня еще получит!» Кстати, Колян действительно получил и больше в нашем дворе не появлялся.

И всегда рядом, чуть в тени, был Андрей. Помню, он тогда, осмелившись, тихо сказал: «Если Артем передумает... тогда я на тебе женюсь». Я не стала крутить пальцем у виска во второй раз, просто назвала их обоих дураками и побежала с Маринкой играть в резиночку.

Андрей задержался на секунду. Его взгляд, зеленый и пронзительный, скользнул по моему лицу, будто пытаюсь прочесть мои мысли, а затем опустил на белый конверт, который я все еще сжимала в руке.

— Всё в порядке, Злата? — спросил он мягко.

В его голосе не было назойливого любопытства, лишь тихая забота, от которой на душе стало тепло и как-то уютно.

— Да, — ответила я, инстинктивно прижимая письмо к груди. — Всё в порядке. Просто... осенняя почта.

Он кивнул, не настаивая, и его улыбка стала чуть заметнее, чуть загадочнее.

— Тогда до скорого, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

Я смотрела ему вслед, и в голове неожиданно пронеслась мысль, от которой сердце заби-лось чаще: а вдруг это Андрей мне присылает эти письма? Эти зеленые глаза, такие внима-тельные, могли ли они подмечать каждую мою черточку, чтобы потом перенести ее на бумагу?

Глава 3

Дверь открыла заплаканная Марина, с лицом, распухшим от слез, и с телефоном, намертво прилипшим к ладони.

— Он... он целовался с ней прямо в холле института! — выдохнула она, едва я переступила порог. — А теперь мне туда идти? Вся группа знает, что Влад бросил меня ради этой Таньки-гадины!

Я обняла ее, и она разрыдалась у меня на плече, рассказывая прерывистыми фразами о предательстве и своем позоре. Мне было ее искренне жаль — ее боль была такой громкой и настоящей, в отличие от моей тихой, сладкой и пугающей тайны.

Когда первые рыдания утихли, ее взгляд, красный от слез, упал на мои руки. Я все еще машинально сжимала злополучный конверт.

— А это что? — спросила она, с любопытством ребенка, ненадолго отвлекающим от горя. — От кого письмо?

Я колебалась секунду, но кому еще можно доверить такую странность, как не лучшей подруге?

— Мне уже почти месяц приходят такие, — тихо призналась я. — Все по понедельникам. Без обратного адреса. Там... там мой портрет. Карандашом.

Глаза Марины расширились. Она выхватила у меня из рук листок и развернула его. Ее лицо, еще минуту назад искаженное обидой, постепенно смягчилось, уступая место искреннему восхищению.

— Златка... Да он же гениальный! — прошептала она, водя пальцем по линиям. — Смотри, как он тебя передал... Ты спишь, а он смог уловить эту умиротворенность. Это же... это красиво.

— Но кто? — Марина оторвалась от рисунка, ее взгляд стал живым и анализирующим. — Кто может это делать?

— Я не знаю, — развела я руками. — Никаких зацепок.

— Андрей? — сразу предположила она, как будто ждала повода произнести его имя. — Он постоянно у Артема тусуется, запросто мог подкидывать. И он тебя знает сто лет. Может, давно влюблен? Молчаливый, спокойный... Как раз похож на романтика!

Имя прозвучало вслух, и от этого догадка стала казаться еще реальнее. Да, Андрей. В его спокойных зеленых глазах таилась глубина, способная на такую тонкую игру.

— А может быть Артем? — с внезапной ухмылкой спросила Марина, снова становясь сама собой. — Он же с детства твердит, что женится на тебе.

Я только рассмеялась, коротко и ясно.

— Марин, ну будь же реалисткой. Артем? — я покачала головой, представляя его несущимся по коридору с криком «Золото, я тебя нарисовал!». — Он не тот человек, который будет заниматься такой... ерундой. Ущипнуть за попу, крикнуть похабный комплимент через всю улицу — это он запросто. А вот романтика, тонкие материи, тайные признания... Нет. Это не про него. У него все громко, нарочито и без загадок.

Марина вздохнула, но согласилась. Мы сидели в ее комнате, заваленной учебниками и слезами неразделенной любви, и разгадывали куда более изящную и интригующую загадку. И пока она снова с восхищением разглядывала рисунок, я ловила себя на мысли, что мое сердце отчаянно надеялось на один-единственный, самый тихий и самый вероятный ответ.

Глава 4

Среда в институте выдалась на редкость беспокойной. После двух относительно спокойных дней неделя снова решила напомнить о себе, но уже не таинственными посланиями, а откровенной грубостью.

Я несла стопку книг из библиотеки, закрывавшую обзор, когда на меня налетели. Точнее, в меня врезался человеческий ураган, несущийся по коридору сломя голову, будто за ним гналась свора демонов. Удар был таким сильным, что у меня подкосились ноги. Книги веером разлетелись по грязному полу, а я сама грузно рухнула рядом, больно ударившись локтем о кафедру.

— Эй, ты куда смотришь?! — вскрикнула я, поднимаясь и с отвращением отряхивая запачканные джинсы. Гнев пылал у меня на щеках.

Парень, высокий и долговязый, с нагловатым лицом, резко остановился, обернулся. Его глаза сверкнули раздражением.

— Сама смотри под ноги, дура! — рявкнул он, даже не попытавшись помочь собрать разлетевшиеся книги или просто извиниться.

От такой наглости у меня перехватило дыхание.

— Ты что, не видишь, что людей сбиваешь? Извиниться слабо?

— Извиниться? Перед тобой? — он фыркнул и грубо послал меня куда подальше.

В глазах потемнело. Мы стояли посреди оживленного коридора, и вокруг нас моментально сформировался круг из любопытных студентов. Десятки глаз, шепот за спиной, но ни один человек не сделал шага, чтобы вмешаться или остановить этот беспредел.

Парень, видя, что я не отступаю и публика его одобряет, сделал агрессивный шаг ко мне, его лицо приблизилось, и он начал орать, брызгая слюной. А потом он резко замахнулся, его рука сжалась в кулак — он явно собирался не просто толкнуть, а ударить.

Я инстинктивно отпрянула, зажмурившись, но толчка не почувствовала. Вместо этого между мной и хамом выросла чья-то спина в знакомой потрепанной куртке. И громовой, узнаваемый с полуслова голос прогремел под сводами, заставив вздрогнуть даже самых равнодушных зевак:

— Ты на кого руку поднял, мразь?!

Это был Артем. Его темные удлиненные волосы были всклокочены, а в карих глазах, обычно таких веселых и беззаботных, пылала настоящая ярость. Казалось, воздух вокруг него закипал.

Не успел наглый парень что-то понять или ответить, как резкий, точный удар в челюсть отбросил его назад. Началась драка — короткая, яростная и невероятно шумная. Кто-то кричал, кто-то звал охрану, кто-то снимал на телефон. А я, оглушенная, чувствовала, как по спине бегут мурашки от страха и выброса адреналина.

Вдруг чьи-то твердые, но бережные руки взяли меня за плечи и мягко, но настойчиво увели в сторону, отодвинули от эпицентра бури, прижали к стене, заслонив собой от летящих книг и неразберихи.

— Отпусти! Надо остановить их! — попыталась я вырваться, глядя, как Артем, получив ответный удар, лишь отряхнулся и с новой силой бросился в бой.

Андрей не отпускал. Он стоял рядом, его спокойствие в этой хаотичной ситуации было одновременно раздражающим и обнадеживающим.

— Не надо, — тихо, но так, что было слышно сквозь гам, сказал он. Его зеленые глаза были серьезны. — Темыч сам разберется.

— Но он же пострадает! — почти взвыла я, видя кровь на лице Артема.

— Не пострадает, — его голос был стальным. — Тем более, это его решение.

Все закончилось так же быстро, как и началось, с появлением охранников. Через пятнадцать минут мы втроем сидели на холодных каменных ступеньках перед входом в институт. Осенний ветер обжигал разгоряченные щеки и заставлял вздрагивать.

Артем, тяжело дыша, утирал кровь из разбитого носа моим же, некогда белым, а теперь алым носовым платком. Он был всклокочен, на его костяшках краснели ссадины, но в глазах, несмотря на боль, читалось странное удовлетворение.

— Эх, женушка, — хрипло пробасил он, покачивая головой и тут же поморщившись от боли. — Тебя ни на минуту одну оставить нельзя. А если бы меня рядом не было? С ума меня сведешь, честное слово.

Я молча смотрела на него — на этого взъерошенного, драчливого защитника. Потом перевела взгляд на Андрея. Он сидел на ступеньке пониже, и его зеленые глаза — глубокие, как лесная чаща — были неотрывно прикованы ко мне. В них было тихое, всепонимающее внимание, в котором тонуло моё смятение.

Глава 5

Последствия той дурацкой драки настигли нас с жестокой быстротой. Оказалось, тот наглый парень был сыном одного из деканов. И хотя правда была на нашей стороне, волна гнева и влияния обрушилась на Артема. Его отчислили.

В его доме начался ад. Родители, всегда гордившиеся сыном, не могли поверить в случившееся. Они рвали и метали, их голоса, полные разочарования и гнева, доносились даже сквозь закрытые двери. Я пришла к ним, чувствуя себя последней дрянью, желая все объяснить, взять вину на себя. Но Артем, встретив меня на лестнице, лишь улыбнулся и отмахнулся.

— Не бери в голову, золото. Ничего страшного. Отслужу год в армии и вернусь к тебе. Ты меня дождешься, жenuшка? — Он внимательно посмотрел на меня, и в его карих глазах не было привычного озорства, только непривычная, взрослая серьезность.

У меня защемило сердце. «Блин, Артем...» — начала я, чувствуя, как комок подступает к горлу.

— Нет, ты ответь, — перебил он, и в его голосе прозвучала сталь. — Мне важно это услышать.

— Но мы с тобой даже не пара... — прошептала я, пытаюсь быть честной.

— Хорошо, — резко сказал он, не дав договорить. — Тогда просто дождись меня. Не обещай любви, не обещай ничего громкого. Просто не начинай ничего серьезного, пока меня не будет рядом. Я вернусь — и сам всё скажу. Как положено. По-настоящему.

Я посмотрела на его лицо, на сбитые костяшки пальцев, на упрямый взгляд, и не смогла отказать.

— Хорошо. Обещаю.

Тогда я не поняла, насколько серьёзно он это сказал. Для меня это было почти детское обещание, странное, неловкое, вырванное болью и расставанием. А для него — надежда. Может быть, единственная, за которую он ухватился перед уходом.

Он протянул руку, и мы, как в детстве, соединили большие пальцы в замысловатом жесте, скрепляя договор. В его прикосновении была вся наша общая история.

А через два дня он улетел в далекий-далекий Владивосток.

Повестка у него уже была на руках. Пока он учился, его держала отсрочка, но после отчисления она слетела мгновенно, будто кто-то только и ждал удобного момента. Всё закрутилось так быстро, что я не успела даже толком осознать: ещё вчера он был рядом, шумный, живой, невозможный, а теперь его уже забирала чужая взрослая жизнь.

Мы провожали его втроем — я, Марина и Андрей. Недалеко от стойки регистрации, Артем крепко пожал руку Андрею и тихо, но я расслышала, прошептал: «Присмотри за ними. За обеими». Андрей лишь коротко кивнул, его молчание было красноречивее любых клятв. Потом Артем порывисто обнял сестру. С родителями он попрощался дома — они были настолько шокированы и раздавлены, что не приехали в аэропорт.

Хуже всех, наверное, чувствовала себя я. Гложущее осознание того, что из-за меня он потерял год учебы, из-за меня ему придется начинать все заново, было невыносимым.

Артем подошел ко мне в последнюю очередь. Его темные волосы были коротко острижены под машинку, и в его всегда веселых, чертовских глазах я увидела твердость, которой раньше в нем не было. Он порывисто обнял меня, и его голос прозвучал прямо у уха, горячий и влажный от дыхания:

— Не забудь о своем обещании, золото.

И прежде, чем я успела что-то ответить, я почувствовала прикосновение его губ к моим. Это был не нежный поцелуй, а что-то стремительное, обжигающее, полное боли, гнева и про-

щания. Он отстранился, резко развернулся и быстрыми, решительными шагами пошел к строю таких же новобранцев, не оборачиваясь.

Я автоматически подняла руку и стерла с щеки слезу. Я даже не почувствовала, как она покатилась. И стоя там, я не могла понять: щемит ли сердце от давящей вины или от этой внезапной, оглушительной пустоты, которую оставил после себя человек, бывший неотъемлемой частью моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.